

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.1

Философия кризиса: реновация метафизики

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Эвристический стержень реновации метафизики – тематизация антропоинвестиций в сущее. Содержательное ядро обновления – опосредование рассуждений благотворными санирующими влияниями Wertswelt, гуманитарно программирующими конструктивную перестройку Menschwelt, Naturwelt, Lebenswelt по законам красоты (природо-, культуроподобия). Операциональный контур инновационного философствования задается блоком «трех Н»: – неореализм: перспективой культивации родом homo реальности; – неогуманизм: сплочение творческих, созидательных сил на платформе консенсуальности, толерантности, делиберативности; – неорациональность: утривание статуса неопределенности как концентрата возможностей, находящих объективацию посредством обязывающего отнесения к «факту человека».

Ключевые слова: обновленная метафизика, неореализм, неогуманизм, неорациональность.

На переживаемом витке роббера, – отмечалось ранее [12–14], – цивилизация столкнулась с рядом ранее не омрачавших ее существование проблем, первостепенными в кругу которых оказываются:

- развал живого общения с проявлением характерного антропологического симптома «потеря Я», утрата общности, упрочение атомизации, личностного (в т.ч. сетевого) одиночества;
- приобретающее одиозные, изоощренные оттенки наращивания конфликтности мира: глобальная плоскость: изменение климата; старение населения; стихийное перемещение неустроенных отчаявшихся масс; обострение пикировок бедленд–гудленд по всем сторонам горизонта; конец общества потребления – вступление в полосу дефицитного существования; локальная (относительно) плоскость: крах пенсионной системы развитых стран; возрастание рисков по занятости (следствие новейшего этапа НТП, выдавливающего рабочую силу из общественного производства); снижение платежеспособного спроса граждан на товары, услуги; закредитованность, перегретость фондового рынка; консервация институционального потенциала социума; антидемократический цифровой контроль; олигархизация; кризис представительной системы управления; дематериализация производства; деформация privacy;
- некомпенсируемая депопуляция как следствие покуда неукротимой массовой гибели людей в результате коронавирусной пандемии.

Феноменологически картина выполняется в красках экзистенциальной катастрофы, когда, говоря образно, разбегаются рысучие звери, разлетаются вещи птицы, иссыхает Мать-Сыра-Земля, иссыкают животворные ключи, настает «конец, предел божьему прощению» [4, с. 36].

Эссенциально картина выполняется красками гуманитарной катастрофы, когда – вне всякой образности – разлаживаются капитальные исторические устои организации жизненного пространства, законы упорядоченного сотрудничества индивидов, которые в качестве господствующих прокладывают себе путь во всемирной истории [17, с. 305].

Феноменологически и эссенциально, следовательно, ощущается катастрофизм как пакет экзистенциально-гуманитарных разбалансов-провалов, рефлексивно расцениваемых как эрозия ценностных оснований жизнестроения, разрушение умиротворительного хаймовского: если жизнь все равно неизбежно пройдет, пусть она безмятежно пройдет.

В прошлые современности экзальтированное манией грандиоза (рационализм, сциентизм, техницизм, институционализм) человечество вознамеривалось «иметь все». Опыт истории внес коррективы: желать все и иметь все невозможно. Текущая современность пошла дальше: в постижении «что же возможно?» неожиданно обнаружила: казалось бы, взвешенно-трезвое «следует довольствоваться тем, что есть» невозможно также. Реальность бедственной линии общественного развития (мораль наших дней) препятствует принятию и ослабленной – столь же невыверенной – существовательной стратегии.

Онтологически «то, что есть», – зыбко; учитывая, что статусно оно как действительность суть обмирщенная предметная деятельность [16, с. 8], человечество становится заложником предательски неосмотрительных действий: *usque ad oream, usque ad caelum*; облачаясь в тогу *creator mundi*, становясь малым, но универсальным архитектором мира, человечество расстанется со счастьем как состоянием, когда не за что платить. Платить требуется за... все. Главным образом – за опрометчивую техногнозисную поставляющую силу «дерзать»: через огонь, борьбу, мимо звезд, смерти (в зависимости от идеологических предпочтений) к – тебе а) «светлое будущее»; б) «цивилизация для избранных». (В первой редакции «Аэлиты» Толстой испробовал духоподъемное, но утопичное, «к тебе, к тебе, через... к тебе, любовь».)

Сторонясь погружения в пучину идеологических (в т.ч. амитологических) предвзятостей, в общем плане отметим: поскольку «наши проблемы – прежде всего то, что мы сами о них думаем» (Фаулз), со всех сторон правильно обратиться к выяснению, как тематизирует происходящее предельно широкий и глубокий ресурс содержательного мыслепредставления реалий – философская (метафизическая) спекуляция (не в уничижительном смысле слова).

Бросающееся в глаза впечатление: современная философия не поставляет на совершающееся не то, что свежих, – никаких заслуживающих внимания соображений.

Не бросая пустых упреков представителям профессионального сообщества, спишем наблюдаемое на уникальность переживаемой ситуации, свертывающей предпосылки ожидаемых дальновидных предвосхищений.

Сосредоточение на позитиве, невольно подкрепляя убеждение в эвристической недостаточности традиционных философских подходов, нацеливает на осмысление путей их коренной перестройки: философский разум, точно сова Минервы, вылетает в сумерки, но как чувствительный серфер все-таки должен предощущать накатывание, развертывание, набегание волн актуально сущего. Ретрополяция, как таковая, отдает обреченностью – беспомощным ожиданием на стезе испытаний. Рефлексия задним числом не исчерпывает критико-аналитических разработок; востребуется спасающая от поруганий, охраняющая от бед, вмешивающаяся в ход дел, дающая силы жить антиципация.

С целью расширения возможностей вырабатывать концептуально убедительные, полные образы жизненных коллизий в сценографиях существенного в становящемся [9], которые

оказываются не проще желаний их воплощать, оттолкнемся от некоего резюмирующего впечатления, включающего определенный вердикт свершающемуся.

Урок обрушившихся на человечество испытаний современного времени, столкнувших с проявлением далеко не отвлеченных сил (какими преимущественно доселе комбинировало традиционное философское умозрение) «добра и зла», – троякий:

- прагматический (касательно жизни): человек – не всемогущ (что захватывает и потенциал разумного знания); однако нельзя существовать в состоянии распятия;
- доктринальный (касательно философии жизни): философия (метафизика) не может быть пессимистичной; настроение пессимизма (парализующего бессилия) должно быть надежно заблокировано; пессимизм – не жизнеспособная философия (метафизика);
- экзистенциальный (касательно философии устройства жизни): люди жизнедействуют в обстоятельствах, но обстоятельствам не пристало сдаваться; – хочешь не выживать, но жить, – встречай налетающий шквал неурядиц, сцепив зубы, и, преодолевая обстоятельства, – укрощай их.

Применительно ко всемирной судьбе сказанное означает: не может принадлежать ничему другому то, что принадлежит самому себе. Главный жизненный стимул:

- для человечества – вершение коллективной родовой истории;
- для человека – встройка в качестве дееспособной части в деятельность пролонгирующего собственную участь ставного незыблемого общечеловеческого целого (как говорила Кристева, «процессуального субъекта»).

Целиком заполняет жизнь не демонстрация претензий жизни, но, используя мысль Гете, – культивация жизни самой жизни. Человеку допускается, сетуя на долю (как театрализовал в «Ифигении в Авлиде» Еврипид) от безысходности стенать; человечеству же (далекому от актерства) приличествует не плачь о себе, но некоторым образом иной тип действий, – именно: превосходящее неупорядоченность мира партнерское мироупорядочение. Отсюда – камертон обновления традиционных философских рассматриваний – усиление мотива корпоративной гуманитарной судьбы, рефлексивное обслуживание темы непреходящей космической перспективы консолидированной (универсальной) человечности. Конфигурация постпандемической организации макросоциальности, ответ на проблематизацию будущности выходящей из горнила испытаний современной цивилизации, по данной причине, – идущая от Апулея емкая формула *sigillatim mortals, cunctim perpetui*.

Прошлый XX век выказывал себя веком бунта человека против мира (и в практическом, и в духовном, и в практически-духовном отсеках); нынешний XXI век выказывает себя веком бунта мира против человека (в тех же регистрах жизнеподдержания).

Философские традиции, поставляющие программы урегулирования базовых отношений в коалиционной игре «человек-мир», по трезвом размышлении, чудотворны. Избегая пространных комментариев, ограничимся упоминанием следующего:

- а) пассеизм: упование на возвращение в бывшее – сакраментальный «золотой век» (Гесиод – Феогнид – Гораций – Овидий – Руссо и др.);
- б) креационизм: упование на всесовершенство творца, выполняющего мировые эскизы по шаблонам *harmonia pre stabilitata* (Фома – Лейбниц – ортодоксальная телеология);
- в) активизм: упование на обуздание вирулентных реалий рацио-техно-гнозисом (сциентизм – индустриализм – институционализм).

Инспирирующие наличный *modus Vivendi* с пугающей скоростью идущие разрушения, очевидно, отменяют питаемые традициями несбыточные упования.

Неуточняющий преимуществ ретарде в архаику (а) неприемлем по отталкивающему антипрогрессизму: погружение в неизменное прошлое исключает возможность его улучшения (характерный изъян любой и всякой инверсивной позиции «вперед-назад»).

(б) – не самодостаточен: содержательное самообоснование «совершенства творения» все-совершенного востребует адресации к безнадежно искусственным *ad hoc* конструкциям теодицеи, дифференцирующим агентов действительности на спасителей и спасаемых и тем самым игнорирующим имперфектную природу человека, спасающего себя без посторонних вмешательств – самостоятельно.

Справедливость мотивов неприятия (б) сохраняет силу применительно к (в), черпающему опору в покамест не развернутой антроподицее [10].

Как видно, оценка рецептов преодоления кризисности исключает желание наполнить новым вином старые мехи.

Извлечь действенное понятие о происходящем, по нашему глубокому убеждению, означает, активируя незашоренный ресурс рефлексии, добиться инновационного оправдания бытия в отнесении к родовому целому – извечному всечеловечески ценному.

Принципиально отвергая позицию Ницше, будто сущее получает оправдание в вечном исключительно как феномен эстетический, мы связываем оправдание его в вечном в качестве феномена аксиологического.

Судьба сдает карты человеку; человечество самостийно выстраивает свою судьбу не по игровому, а ценностному началу – по собственному почину, на собственной ответственности. Каким образом? Обязывающей апелляцией к сконцентрированным в *Wertstwelt* опосредствующим миротворчеством непреходящим гуманитарным абсолютам.

В порядке пояснения мысли обременим внимание такими ключевыми идеями.

Абсолютность. Фундаментальные концептуальные построения оправдываются отнесением рассуждений к неким базовым допущениям. В крайнем семантическом отношении функции последних для предметных теорий выполняют пресуппозиции онтологии (безусловное-обусловленное в характере реальности); хроногеометрии (количественно-качественная определенность размерности реальности); репрезентации (отображения одних совокупностей объектов с заданным на них параметром эквивалентности на другие подобные совокупности).

Скажем: остов классической механики задается допущениями «дальнодействие», «абсолютность пространства и времени», преобразования Галилея; идущая на смену ей релятивистская механика надстраивается над обновленным остовом: «близкодействие», «абсолютность пространства-времени»; преобразования Лоренца и т.д.

По онтологии: *Wertswelt* – конденсат человеческих значимостей.

По хроногеометрии: *Wertswelt* – открытое (незамкнутое) многообразие, не имеющее собственных предельных точек.

По репрезентации: *Wertswelt* – множество отображений (морфизмов) гуманитарно непреходящего на любые классы объектов.

Абсолютность *Wertswelt*, таким образом, несет идею исключительности (неинструментального) удостоверения заявления (незаявления) человечности в реализуемых фигурах (продуктах) самоутвердительной деятельности.

Предельность. Тематизацией Wertswelt уточняется понятие безусловной значимости его составляющих как маркеров демонстрации человечности. А именно: множество актов, действий подпадает под функцию, пределом которой выступает причастие гуманитарно высокому.

Устремленность. Деликатность версификации природы Wertswelt заключается в представлении его процессуальной сущности, обуславливающей характерный способ проявления человечности будирующим влиянием. На данном резоне регулятивно-императивный фрагмент доктрины Wertswelt выполняется в языке интенциональности, эксплуатирующем концепты «направление», «асимптота», «аппроксимация». Свободное согласование целей, средств автономных поступков с ценностями идет по исходно планируемому (краевым, граничным) условиям, ориентирующим на максимальное приближение к идеально-совершенным состояниям. В более отвлеченном выражении уподобляемая функции ценность выступает для уподобляемой функции цели (поступка, действия) особой функцией, действующей на базе асимптотического равенства, которое коррелирует связь функций по синхронизации (поступков) с ценностями; – конкретно – по фиксации устремлений аргументов к наперед задаваемым пределам в виде «эффективности», «оптимальности», «достижительности», «надежности».

Гуманитарность. Сказанное позволяет оформлять специфическую модель гуманитарного программирования: диспозиция замыкания целей (деяний) на ценности влечет превентивную их санацию, осуществляемую человекоемкими детерминантами.

Источники целей разносторонни и зачастую произвольны; применительно к совокупному человеческому (родовому) опыту возникает нетривиальная задача отработки механизма сепарации адекватных целей с выработкой программ их приемлемого, достойного воплощения. Фактически – это задача оптимизации деятельности относительно массива изменчивых исходных данных.

Математическое программирование предлагает позитивные, но довольно абстрактные методы многокритериальной оптимизации, принятия оптимальных решений (в исследовании операций). Недостаток математического угла зрения – неопределенность, необозримость, неконструктивность (множество вариаций оптимальности, допустимых решений может быть прагматически несчетным, неалгоритмичным и т.д.).

Преимущество аксиологического угла зрения – непосредственное удостоверение гуманитарного начала в апелляции к особому, формально невыразимому типу рациональности, примером которого (актуализирующего понимание особенности ценностной детерминации деятельности) оказывается тот же практический силлогизм, где определяющая поступок цель опосредствуется обязательным (и обязывающим) отнесением к ценности [7, с. 57].

Эвристичность. Осознание того, что конституирование целей – средств – действий производится не плоским расчислением, голым расчетом, но программирующим влиянием Wertswelt, поставляет искомый ресурс снятия затруднения, известного методологии под именем «гильотина Юма».

Юмовский принцип запрета исключает возможность перехода от фактофиксаций (протоколов наблюдения) к императивам (регулятивам), от прецедентов к принципам, от дескрипций к прескрипциям, от «есть – тезисов» к «должен – тезисам». Какова же генеалогия императивно-регулятивной формации?

Наш ответ: ее порождающая структура – инкорпорация в коллизийное радикальных ценностных обстоятельств типа «судьбоносных» фактов ранга Tatbestand, к каким для нашего случая относится капитальный «факт человека». Причастие лица родовой организации привносит

в персональное, эмпирическое момент сверхперсонального, надэмпирического, – привносит за счет сознательной встройки самости (через самостроение) в высокую корпоративную миссию благоразумного миро-, житнетворчества. В данном – фикс-пункт того, что человеческое самоопределение идет по правилам самоопределения человечества: часть органически входит в состав целого; homo sapiens обнаруживает, обнажает в себе черты homo aestimator.

Через культивацию «человеческого в человеке» специфическую форму ценностной детерминации, saniрующую морфогенетическую силу – гуманогенез – род (и лицо) обретает надлежащую экипировку: что, когда, где, как, почему, зачем делать (не делать). Не логические, но аксиологические основания иницируют упрочение деонтологической формации.

Платформа спасительной аксиологизации детализируется характеристикой принципов мирозидания.

Взятый стереоскопически современный мир как сущее являет собой сорт полиморфной антропо-техно-социо-натурной реальности [8]. Учитывая экспансивный характер субъективного (объем антропного действия) компонента, в количественно-качественном отношении вытесняющего из контекста мира компонент объективный (объем природного действия), наличную онтологическую организацию правомерно расценить как диффузный комплекс, где функционально выполняется условие монотонного возрастания деятельности составляющей.

Структурная дифференциация современного сущего с поправкой на отмеченную динамику обособливает в нем ареалы: ближайший (Umwelt), жизненный (Lebenswelt), человеческий (Menschwelt), природный (Naturwelt) миры. Принимая во внимание необходимость привнесения в них нужного порядка, гуманитарной формы существования, актуализируется проблема экспликации взаимодействия технологии обустройства антропных ландшафтов с концентратом наисовершеннейшей человечности – Wertswelt.

Итак, – подлежащая разработке тема: тонкие окормляющие влияния ценностного мира на цивилизационную культивацию рукотворных миров (антропоинвестиций в сущее).

Предметный нерв рассуждений – перспективы сверхприродного морфогенеза, осуществляющего интенсивную замену *natura creata natura creans*.

У Жильсона – интересная мысль: старение метафизики начинается с устаревания обслуживающих ее основоположений картины мира [6, с. 185]. Речь – от исчерпани эвристического кредита принятых мировоззренческих евангелий в лице онтологических допущений, базовых гипотез существования. Так было с эрозией аристотелизма, картезианства, ньютонианства, переставших питаться доктринами квалитативизма, механицизма, абсолютизма и питать одноименную философию.

В современной картине мира – работоспособный дуплекс интерпретативных схем в лице синергетических (1) и NBYCS (2) – представлений, упирающих на (1) естественное (самоорганизация из хаоса – акцент неустойчивости, турбулентности, флуктуационности, спорадичности) и (2) искусственное (организация из привносимого порядка – акцент устойчивости, планируемости, регуляризуемости) созидание.

Учитывая смысловую несопряженность двух типов сценографизации реальности (допущение и недопущение положительной роли хаоса в формообразующей процедуре) о каком-то возможном их синтезе говорить не приходится.

Наша линия – в принятии идеи сущностного единства морфогенетических процессов, протекающих в ареалах природо (Naturwelt) и человеко (Menschwelt) творимого мира.

Порядок из беспорядка и порядок из упорядочения складываются по унитарным правилам (ср.: в религиозном сознании – непреодолимая антиномия порядка на божественном небе – беспорядка на бесовской земле) гармонического структурообразования, вписывающим индивидуальные казусы в общие каноны.

Получающее опытное оправдание наличие гармонических канонов в универсализирующемся конструктивном процессе – архимедова точка опоры, придающая дополнительную основательность убеждению: подробности столь изящны, что наделяют целое глубоким смыслом.

Когда-то Декарт выступал с системой *Mathesis Universalis*, содержащей все, благодаря чему науки являются частями математики [5, с. 93–94]. В настоящий момент роль подобной системы (которая, по Шеллингу, «сама за себя отвечает и в себе согласуется») [20, с. 311] отводится *Actus Universalis* – универсальному конструктивизму (УК), версифицирующему стратегию мирообразования через креативистские доктрины:

- в онтологии – архитектуры миростроения не по естественному отбору, а законам красоты (пропорциональность, симметрия, фрактальность);
- в праксеологии – архитектуры мироустроения не по случайным испытаниям, а по законам добра (гуманизм, свобода, равноправие);
- в антропологии – архитектуры самостроения не по внешней, а внутренней инициации (самоотдача, доверие, солидарность).

Семантический и операциональный остов УК – гуманитарно обеспеченные интенции-приемы проектирования среды обитания, неограниченно приближающиеся к сконцентрированным в *Wertswelt* предельным совершенным значениям фигур действия и деятельности.

Переход на платформу гуманитарно действенного конструктивизма автоматически не осыпает существование цветочной пылью; он окропляет его будирующим подтекстом: «наша жизнь сделана настолько плохо, что на этом (в любой окрестности любой временной точки. – **В. И.**)... кончиться не может» [18, с. 395].

Отсюда – новый тип метафизики со своим тематическим ядром – конструктивной рациональностью, выстраивающейся на регулятивах виртуальности, полионтичности, перфекционизма, природо-, культуроподобия, посессивности, аутопоэзиса [8, 11]. Формальным ее базисом служит не теоретико-множественная парадигма (мир Кантора – Фреге), но парадигма активизма (мир Брауэра – Лузина – Жоала). Предметным ее базисом служит телеономизм – фокусировка на каталитических, интенциональных, проективных связях. Эвристическим ее базисом служит аксиологизм – перефразируя Паунда, – разновидность вдохновенной гуманитаристики, обнажающей накопленные *homo aestimator* богатства сердца и души.

Три в одном преуказывают: на современной стадии прогресса цивилизации сущее как родозначимое явление превращается в антропоемкий процесс – доподлинно творческую эволюцию, методологически востребующую холистской интерпретации поверх и помимо редуционистских (гегелевский панлогизм; «всеобщее чувственное» как перво-бытие Мерло-Понти), дуалистских (психо-физический параллелизм – Декарт, Мальбранш, Гейлинкс) подходов и трактовок.

Адекватное расширение исследовательских рамок центрирует деятельный жизненный порыв. Не в бергсоновско-шелеровском прочтении, а в редакции Белинского, задолго до всех указывавшего на самодостаточность не требующего ни логического, ни рационального обоснования *impetus vivus*, в котором «сливаются воедино все силы человека, физическая природа

его проникает собою духовную его сущность... разумное действие становится инстинктивным движением» [3, с. 595].

В такой сетке координат развертывается конкретное понятие коллективной судьбы, намечаются контуры обязывающей философии общего дела, программируется мир, полный достоинства и достоинств.

Стратегическая трансформация философствования, как видно, осуществляется под эгидой антропоцентризма. Говоря суммарно и по существу, дух радикализуемой созидательной человечности захватывает мыслеоправдательный процесс, обновляет категориальный аппарат теоретизирования, нюансирует толкование базовых экспликативных схем, нацеливает на нетрадиционную расстановку поисковых акцентов. Явно звучащая инноватика заключается в последовательном распространении единства действия на все стороны универсума.

В интересующем нас исполнении философствования стержень, на котором держится подвижный механизм разыскания, задается параметром «трех Н»:

- неореализм: философия – не ресурс лелеяния горя, – ей не свойствен жанр диатрибы. Согласно прошлой метафизике, «ключи ада и смерти» [2] имел Всевышний; согласно современной – Номо как род. Дело состоит в восприятии вселенской Истории под обновляемой фирмой целостного объективно-субъективного явления, – используя немецкую кальку, – не только как *Historie*, но и как *Geschichte* – творимого человеком мира, культивируемой родом реальности;
- неогуманизм: искренний вдохновенный созидательный порыв, непосредственно выраженный идеей миродержания, как на граните, надстраивается над идеей мирослужения. Всевышний принял муку за род – расплатился жизнью за грехи человеческие. Но исключительно бывшие. По настоящим и уготовляемым ими грядущим грехам расплачивается – Номо creator. Сплочение творческих сил под стягами консенсуальности, толерантности, делиберативности, – ответ на проблему выживания, концептуализируемого в языке амитологической, аретологической, антропологии;
- неорациональность: обновление идейной стати философствования в качестве способа объединения представлений в целое обуславливается определяющей миропонимание и мироотношение оригинальной трактовкой проводящих гиперонимическую разбивку категориальных пар, – в первую очередь: сущность – существование; коллективизм – индивидуализм; естественное – искусственное; реальное – виртуальное; мимезис – поэзис; массовое – элитарное; зависимость – свобода; бытовое – игровое; действительное – возможное и т.д. Следуя правилу «чистой смены декораций», главное – вытравить из рефлексии флер конъюнктурности, скабрёзности, скандальности, развлекательности, фарсовости.

Прощание с прошлым проходит по ненакатанной колее утрирования неопределенности, в которой – скопище, кладезь возможностей. Конкретно – центрируется:

- в теории бытия – нестабильность сущего – коннотируемость, полионтичность, полифундаментальность; статичная парадигма Парменида-Аристотеля заменяется динамичной парадигмой Гераклита-Гегеля;
- в теории человека – самосущность существования (в противоположность преодолеваемому: существование предшествует сущности); парадигма *sub specie aeternitatis* замещается парадигмой моментализма;

- в теории общества – народоправность; парадигма управленческого бюрократического империализма (этатизм, элитизм, авторитаризм, олигархизм, тоталитаризм) замещается парадигмой участливой демократии, поведенческого, культурного разнообразия, – плюрализма;
- в теории метода – синтетичность; парадигма редукционизма замещается парадигмой холизма (в трактовке того же сознания, которое «не перестает «иметь» тело» [19, с. 357] и, следовательно, получать синергичную модельную форму, скажем, в терминах нейроэтики – прикладной био-медико-гуманитарной дисциплины, размывающей границы природного, технологического, экзистенциального);
- в теории познания – преодоление дихотомии «чувственное-рациональное»; включение патетического, романтически страстного в дискурсивное программирование; парадигма сепаратизма замещается парадигмой интегратизма.
Как некогда смело высказывал Муравьев: «Страсти суть необходимая принадлежность человеческого рода и орудия промысла (! – **В. И.**), не постижимого для ограниченного ума... Не ими ли влекутся народы к цели всего человечества?» [15, с. 584]; хорошо и допущение Короленко прочной связи между глубинами природы и бездонности человеческой совести;
- в теории действия – героическая платформа человеческого достоинства перед лицом вечности; парадигма инфляционности тела и духа замещается исповедальной парадигмой величия «внутреннего человека».

Безмерной бездне позади и беспредельности впереди противопоставляется безоговорочная насыщенность непреходящим текущего. Роковая гонка за тенью «купить место в будущем» отменяется концентрацией на полноте самореализации в настоящем.

Простое, но действенное средство «научиться презирать смерть, – говорит Марк Аврелий, – это воскрешать в памяти тех, кто жадно цеплялся за жизнь» [1, с. 295].

Выход из кризиса обеспечивается не чем иным, нежели умудренным сознанием неразрушающей надежды «оптимистической трагедии»: я, мы, все, – были, есть, будем. Как отмечал в творческом завещании Поленов: «Смерть человека, которому удалось исполнить кое-что из своих замыслов, есть событие естественное и не только печальное, а, скорее, радостное, – это отдых, покой, небытие, а бытие его остается и переходит в то, что он сотворил».

Закон творческого творения, – именно он отменяет разницу, сколько жить: три дня или три века. Разница, разумеется, есть. Но в локальном (персональном), а не тотальном (общечеловеческом) – вселенском смысле.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210601).

Литература

1. Аврелий М. Наедине с собою // *Римские стоики*. М.: Республика, 1995. 462 с.
2. Апок. 1, 18.
3. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений в 13 т.* М.: АН СССР, 1955. Т. 4. 804 с.
4. Бунин И. А. *Жизнь Арсеньева: Роман и рассказы*. М.: Советская Россия, 1982. 336 с.
5. Декарт Р. *Избранные произведения*. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
6. Жильсон Э. *Философ и теология*. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
7. Ильин В. В. *Аксиология: учеб. пос.* 2-е изд. М.: Проспект, 2020. 192 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировой вейник*. М.: Проспект, 2020. 158 с.

9. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2013**. 203 с.
10. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2017**. 272 с.
11. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология*. М.: Проспект, **2018**. 176 с.
12. Ильин В. В. Философия кризиса: интонация XXI века – осанна всечеловечности // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №4. С. 238–248.
13. Ильин В. В. Философия кризиса: новый век – начало непонятной жизни // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №3. С. 135–154.
14. Ильин В. В. Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №1. С. 3–17.
15. *Литературное наследство*. М.: изд-во Академии наук СССР, **1954**. Т. 59. 805 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. в 50 т.* М.: Политиздат, **1955**. Т. 3. 629 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. в 50 т.* М.: Политиздат, **1961**. Т. 21. 745 с.
18. Ремарк Э. М. *Три товарища*. М.: Профиздат, **1993**. 414 с.
19. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто*. М.: Республика, **2004**. 639 с.
20. Шеллинг Ф. В. Й. *Система трансцендентального идеализма*. Л.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, **1936**. 455 с.

Поступила в редакцию 23.08.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.1

Philosophy of crisis: renovation of metaphysics

© V. V. Ilyin

*National research center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The heuristic core of the renovation of metaphysics is the thematization of anthropo-investments in existence. The substantial core of the renewal is the mediation of reasoning by the beneficial sanitizing influences of Wertswelt, humanarily programming the structural restructuring of Menschwelt, Naturwelt, Lebenswelt according to the laws of beauty (natural, cultural similarity). The operational contour of innovative philosophizing is set by the "three N" block: – neorealism: the prospect of cultivating a kind of homo reality; – neohumanism: the consolidation of creative forces on the platform of consensus, tolerance, deliberation; – neorationality: exaggerating the status of uncertainty as a concentrate of possibilities that find objectification through binding attribution to the "fact of man".

Keywords: updated metaphysics, neorealism, neohumanism, neorationality.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210601).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Philosophy of crisis: renovation of metaphysics // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 5. Pp. 293–304.

References

1. Aurelius M. *Rimskie stoiki*. Moscow: Respublika, 1995.
2. Apoc. 1, 18.
3. Belinsky V. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. [Complete works in 13 volumes]*. Moscow: AN SSSR, 1955. Vol. 4.
4. Bunin I. A. *Zhizn' Arsen'eva: Roman i rasskazy [The life of Arseniev: Novel and stories]*. Moscow: Sovet-skaya Rossiya, 1982.
5. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow: Politizdat, 1950.
6. Gilson E. *Filosof i teologiya [Philosopher and theology]*. Moscow: Gnozis, 1995.
7. Il'in V. V. *Aksiologiya: ucheb. pos. [Axiology: textbook]*. 2-e izd. Moscow: Prospekt, 2020.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
9. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [Theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2013.
10. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolutov. V poiskakh causa finalis [Theory of knowledge. Philosophy as a justification for absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow: Prospekt, 2017.
11. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya [Theory of knowledge. Heuristics. Creatology]*. Moscow: Prospekt, 2018.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 238–248.
13. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 135–154.
14. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.

15. *Literaturnoe nasledstvo [Literary legacy]*. Moscow: izd-vo Akademii nauk SSSR, **1954**. Vol. 59.
16. Marx K., Engels F. *Soch. v 50 t. [Works in 50 volumes]*. Moscow: Politizdat, **1955**. Vol. 3.
17. Marx K., Engels F. *Soch. v 50 t. [Works in 50 volumes]*. Moscow: Politizdat, **1961**. Vol. 21.
18. Remarque E. M. *Tri tovarishcha [Three comrades]*. Moscow: Profizdat, **1993**.
19. Sartre J.-P. *Bytie i nichto [Being and nothingness]*. Moscow: Respublika, **2004**.
20. Shelling F. W. J. *Sistema transtsendental'nogo idealizma [System of transcendental idealism]*. Leningrad: OGIZ SOTsEKGIZ, **1936**.

Received 23.08.2021.